

ШАГ В БЕЗДНУ

ЖУРНАЛ РАССКАЗЫ

**Роман Голотвин
Матвей Юджиновский
Светлана Волкова
Артём Сидоров
Александр Сордо
Максим А. Суворов**

Журнал «Рассказы».

Шаг в бездну

**Серия «Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»», книга 26**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68987455

*Журнал Рассказы 26. Шаг в бездну:
ISBN 978-5-6048651-6-3, 978-5-6046114-0-1*

Аннотация

Мирную жизнь от полного хаоса отличает один неверный шаг. Им может стать проросшее суеверие, вызванный внешними обстоятельствами психоз или простое желание разобраться в ситуации. Проявил инициативу, поддался любопытству – и вот всё твоё «я» летит в бездну. А всего-то и нужно было сидеть дома и не высовываться.

Впрочем, порой бездействие – тоже шаг. И он тоже имеет последствия...

Содержание

Если Анна убьет Альфреда	5
Светлана Волкова	7
Артем Сидоров Птицы, которые не прилетают	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Журнал Рассказы

26. Шаг в бездну

Если Анна убьет Альфреда

*Анна стоит на твердой, солнцем нагретой плитке.
Анна стоит босая, в маечке и трусах.
В сестринской пахнет спиртом, тихо играет Шнитке,
нервный Альфред. У Анны – черная полоса.*

*Свитер у Анны колкий, с косами крупной вязки.
Свитер лежит на стуле, скрученный в сто узлов.
Окна закрыты. Воздух, словно варенье, вязкий.
Анна собачьи дышит. Анне не повезло.*

*Входят: сестра (не Анны, просто сестра в халате),
доктор с седой бородкой, тонкий, как Дон Кихот.
Доктор недолго пишет, Анне – бумажку: «Нате,
это у вас от нервов, это у вас пройдет».*

*Анна берет со стула колкий измятый свитер.
Анна берет бумажку, полную закорюк.
Нервный Альфред смеется, пляшет святого Витта,
Анне в живот втыкает острый рыбацкий крюк.*

*Рыбки скругляя губы, Анна на леске блеклой
тащится за Альфредом в лысый больничный сквер.
Ветрено. От столовой тянет вчерашней свеклой.
Ветрено и свекольно в Анниной голове.*

*Ласковый кот, колтунный, будто в давнишних дредах,
трется о ногу Анны, фыркая и мурча.
Что там, в бумажке?*

*«Анна, если убить Альфреда,
может быть, все же выйдет жалкая, но ничья».*

– Елена Шумара

Светлана Волкова

Значок с лыжником

Банка с выводком головастых поварешек издалека напоминала облепленный опятами пень. Их разномастные шляпки из нержавейки блестели на утреннем солнце и казались такими органичными в маленьком пространстве зеленой кухни – ах, наша полянка, всегда смеялись дети. Ольга вынула одну из поварешек, достала большую сковороду, щедро смазала ее подсолнечным маслом, поставила на плиту. Послушала, как сковорода начинает негромко шипеть, совсем по-кошачьи, цыкнула ей: «Чш-ш-ш, тихо!», улыбнулась – как же хорошо! Все хорошо!

Взяв в руки миску с уже готовой опарой, добавила горсть изюму, тщательно размешала, обернулась к детям:

– С вареньем будете или со сметаной?

– С вареньем! – закричал Славик, не отрываясь от книжки-раскраски.

Маша не отреагировала, увлеченная игрой с кошкой Матильдой. В кухню ворвалась старшая Юля, за ней с визгом влетел Таврик, щенок неизвестной лохматой породы, которого дети подобрали у магазина.

– Мам, я не буду! – Юля, возбужденная, вечно куда-то летящая, парящая, взяла двумя пальчиками из тарелки полу-

прозрачный ломтик сыра, отправила в рот. – Иначе в свадебное платье не влезу.

Ольга снова улыбнулась. Может быть, это и есть пресловутый миг счастья, который она всегда пыталась уловить, зафиксировать, остановить и хранить его отпечаток в серые хмурые дни? Всегда кажется, что будет нечто намного ярче, фотографически безупречное, и сомнений не останется – это и есть самый счастливый миг. Может, все эфемерно, а счастье – вот оно, в этом самом обыкновенном июньском утре, в шипящей сковородке, в смехе детей, в восторженном тьяканье собаки и мурлыканье кошки? И в этом благословенном старом доме с просторной кухней окнами в цветущий сад, со светлой верандой с цветными стеклышками в филенчатых дверях, со скрипучей лесенкой крыльца, под одну из ступеней которой муж когда-то положил старый значок с лыжником – на счастье, на счастье. И в старой березе у крыльца, которую сажал в детстве покойный свекор.

Ольга повернулась к плите и вылила из поварешки опару на раскаленную сковородку...

Они – разные, иногда тихие, чаще шумные, спорящие друг с дружкой, дерущиеся из-за велосипеда, обожания Таврика и снисходительного царского внимания Матильды. Они милые, нежные, такие родные, их волосы фантомно пахнут медом с молоком, сколько бы им ни было лет. Они – ее дети. Славику пять, Маше четырнадцать, Юльке девятнадцать, че-

рез две недели ее свадьба. Господи, как же быстро они растут! Кажется, ведь совсем недавно не было их, а она, Ольга, бегала тайком на свидание к Вадику, и до свадьбы оставалось еще долгих три курса института.

Ольга сняла со сковороды первые румяные оладьи, высыпала на большую тарелку, налила из поварешки следующую партию опары.

– Эй! Кто самый голодный?

Дети не ответили. За спиной была тишина, и даже щенок не скулил.

Ольга обернулась. На кухне никого не было. Ну что с ними будешь делать! То торопят с завтраком, то убегают по своим делам. Но убирать-то со стола зачем? Она ведь только что поставила банку варенья и сметану, и Маша успела достать блюдца из буфета.

Ольга убавила огонь на плите и прислушалась. Из гостиной раздавался звук телевизора. Ольга с тарелкой в руках пошла по коридору, с удивлением натыкаясь на какие-то коробки. Ну скажите на милость, кто тут их поставил, ноги ведь переломать можно! А главное, когда? Только что пустой коридор был, она же сама до завтрака подметала пол.

Ольга локтем толкнула дверь в комнату...

Ее дети сидели рядком, голова к голове, и разглядывали котят в коробке.

«Откуда здесь котята?» – хотела спросить Ольга, но голос

не послушался.

Вырвался рваный кашель, и сильно закружилась голова. Ольга чуть пошатнулась и едва не выронила тарелку из рук. Зачем она тарелку-то с собой притащила, дуреха, оставила бы на кухне...

– Я долго вас ждать буду? Марш на кухню! Завтрак остывает!

Она хотела повернуться и пойти обратно, но необъяснимое чувство тревоги волной прокатилось от темени к желудку, обожгло диафрагму, и сухость во рту наждаком царапнула горло. Ольга снова взглянула на детей.

...Они повернули к ней головы и застыли, словно увидев невыносимо страшное, – да пару секунд так и сидели, замороженные, и льдистыми одинаковыми глазами, полными неподдельного, нездешнего ужаса, смотрели на мать...

Потом Маша завизжала и, опрокинув с коленей коробку с котятками, выскочила на террасу, толкнув дверь так, что вдребезги разбилось цветное стекло. Дверь ударилась ручкой о стену и закачалась, сквозь ее пустую глазницу было видно, как Маша босиком бежит через сад, а сад голый, без листвы, присыпанный белой манкой свежего снега.

«Простудится...» – мелькнуло в Ольгиной голове. Комната кружилась, перед глазами танцевали радужные ромбы.

Юля сидела на диване, остолбенело глядя на мать, и обеими руками прижимала к себе Славика. Котятка у ее ног пищали и пытались по бахrome покрывала залезть на диван.

Ольга хотела заговорить, но голос вновь не послушался. Тяжелые долгие секунды, самые длинные в ее жизни, ухали глухим пульсом где-то за теменем на затылке.

– Мамочка... – тихо сказал Славик. – Мы же тебя похоронили...

Он плотнее прижался к Юльке, бледной, как сырое тесто, обхватил ручонками ее большой выпуклый живот. Ее беременный живот...

– Что, милый? – переспросила Ольга.

– Гробик был такой красивый, красненький. Блестящий...

Из кухни повеяло пригоревшими оладьями. Ольга дернулась, повернулась, чтобы побежать в кухню, выключить огонь на плите, и увидела мужа, стоящего в коридоре, метрах в двух. В руках у него было старое дедово ружье, стволом нацеленное на нее...

* * *

В тишине было слышно, как тикают часы. Ольга моргнула. Потом еще и еще. Веко нервно задергалось, она хотела поднести ладонь к лицу, чтобы успокоить глаз, но Вадим сухо приказал:

– Не шевелиться!

Они стояли в кухне, куда загнал ее муж, а дети осторожно заглядывали через окно из сада, наспех накинув куртки.

– Пусть они войдут, – сдавленно сказала Ольга. – В тапках

же. Там холодно.

Вадим глянул на окно, но не ответил.

– Объясни мне, пожалуйста, что происходит. – Ольга осторожно села на табурет, ствол тоже чуть опустился, следуя траектории Ольгиного сердца. – Что, черт возьми, происходит, Вадик?

– Нет, это ты! Вы! Объясните мне!

Она подумала, что если встанет сейчас, подойдет, обнимет мужа, вдохнет запах его рубашки, погладит по волосам, то морок пройдет и все встанет на свои места: за окном расцветет нежное июньское утро, дети рассядутся на диване, а на тарелке будут остывать золотистые оладьи. Но острый злой взгляд Вадима остудил ее.

– Боишься меня? Ружье вон нацелил. На кого, Вадичка? На свою жену?

– Ты не жена мне!

– А кто же?

– Ты... ты... сама скажи, кто ты!

Вадим чуть опустил ружье и вытер рукавом пот, стекающий со лба.

Ольга оглядела кухню: никакой сковороды на плите, чайник новый, электрический, на полке вместо рисунка Славики теперь ее, Ольги, портрет в рамочке: она на этой самой зеленой, как полянка, кухне, держит в руках противень с горячим пирогом.

– Я тоже люблю эту фотографию... – Ольга заговорила

уютным голосом, провела рукой по волосам, краем глаза наблюдая, как напряжено лицо мужа. – Ты помнишь, милый, в тот день к нам приехала твоя сестра с племянниками, и мы еще чашку разбили бабушкину, а потом...

Она не успела договорить, Вадим снова поднял ружье.

– Кто ты, черт возьми?!

– Да я же это, я! Твоя Оля!

– Моя Оля в гробу лежит. Разлагается уже. – Вадим смотрел на нее немигающим взглядом, черты лица его вмиг заострились. – Повторяю свой вопрос: кто ты? Зачем пришла в наш дом? Что тебе надо?!

Ольга съезжилась на табурете, почувствовала, что сейчас разревется.

– Вадим, я не знаю, что произошло... Я сперва думала, вы все шутите. Зло шутите. Но за окном снег, а утром – моим утром – был июнь и солнце. У меня нет этому объяснения... Я только хочу, чтобы ты поверил мне!

Вадим молчал.

– Помнишь, – осторожно продолжила Ольга, – мы пошли в кино на первом нашем свидании? И я еще сломала каблук, а ты все порывался нести меня на руках. И еще... есть вещи, которые знаем только мы с тобой. Например, когда перестраивали этот дом, там, со стороны веранды, ты положил под ступеньку старый значок с лыжником, на счастье. Ты помнишь? Ты не мог этого забыть. Мы смеялись потом весь вечер и пели Визбора...

– *Что* ты такое? – закричал Вадим.

Может быть, это сон и все ей снится? Да, скорее, так и есть. Дверь неровная, углы косяка будто закруглены. Занавеска колышется, а сквозняка нет. На холодильнике недавно стояла ваза с сухоцветом – метелочками и оранжевыми фонариками, – нет теперь. А ее ли это дом? Конечно, сон, сон, сейчас она проснется!

Но лай в коридоре отрезвил ее. Дверь с шумом отворилась, и в кухню влетел огромный пес. Ольга инстинктивно дернулась, но в ту же секунду он бросился к ней, принялся лизать, повизгивая от счастья и виляя хвостом.

– Таврик? – изумилась Ольга. – Как ты вымахал! Узнал меня, узнал!

Она обняла пса, зарылась лицом в лохматую рыжую шерсть и разрыдалась. Когда же оторвалась от него, увидела, что Вадим сидит на табурете, опустив ствол ружья в пол, и плачет.

Уже начинало темнеть, и сколько минуло времени, Ольга не понимала. Вадим сбивчиво рассказывал про то, как ее нашли в кухне на полу, вот с этой самой сковородой в руках, как скорая не торопилась ехать, и когда через два часа пришел наконец врач, было поздно: сердечный приступ, надо бы реанимационную бригаду, да где ж ее возьмешь в дачной глуши? Смерть в машине скорой помощи, до райцентра не довезли...

– И вскрытие делали? – неожиданно для себя спросила Ольга.

– Да... – растерянно и почему-то виновато ответил Вадим. – Так положено... Справка есть...

Они долго смотрели друг другу в чужие глаза. Вадим залпом выпил стакан воды и продолжил...

...Похороны задерживали дольше положенного срока: ждали родителей Ольги, те добирались из Томска до Московской области три дня. Хоронили в присутствии только самых близких: семьи и двух Ольгиных подруг из института. Дети плакали сильно, особенно Маша, потом у нее поднялась температура, и недели две она лежала больная – таблетки мало помогали. Юля держалась стойко, но переживала, конечно. И из-за смерти, и из-за того, что траур отодвинул свадьбу. Славик все не верил, подходил к гробу, просил маму открыть глаза. Бабушка хотела увести его, но он обнял ножки стола, на котором гроб стоял, и сказал, что никуда не уйдет. А сам Вадим... Что тут скажешь...

Он снова смахнул слезу. У Ольги сжалось сердце.

– Вадичка, любимый мой! Я не знаю, что это за наваждение! Я же вот, здесь, никуда и не отлучалась, не умирала! Я живая! Живая!

Она схватила со стола нож и с силой резанула по пальцу. Ладонь мигом окрасилась алым, струйка крови потекла на светлую льняную скатерть. Ольга встала и сделала к мужу шаг. Обнять его! Он успокоится, поймет, что все это нава-

ждение.

– Положи нож! – закричал он, вскочил и снова поднял руку.

Ольга обессиленно опустилась на табурет. Таврик – единственный, кто признал ее в этом, ставшим вмиг чужим, доме, ткнулся лбом ей в колени и, поскуливая, принялся лизать пораненную руку.

Вадим смотрел на Ольгу, нижняя губа у него заметно подрагивала.

Они сидели молча, не зная, что сказать, и не в силах ответить друг от друга взгляд. Несколько раз в кухню заглядывала Юля, но отец прикрикивал на нее, и она исчезала, осторожно закрыв дверь. Наконец Ольга выдохнула:

– Надо что-то делать. Не сидеть же так...

Она с каким-то удивительным спокойствием вдруг подумала, что стоит мужу выстрелить, и все встанет на свои места: как в известном анекдоте, «умерла так умерла». Надо будет только избавиться от ее трупа. Но, скорее всего, это не проблема – в двух шагах от дома лес. А впрочем, ничего и делать не надо. Залезла в дом чужая женщина, воровка, хозяин застрелил. Суд, конечно, будет, но, вероятней всего, дадут условно. Или вовсе оправдают: неприкосновенность жилища, непреднамеренное убийство, да и личность убитой идентифицировать не представляется возможным – ни документов, ни свидетелей, способных опознать. А то, что она в домашнем халате, только сыграет на руку защите: мошенница

знала о горе хозяина, решила прикинуться покойной женой.

Ольга с силой тряхнула головой, но морок не исчезал.

– Позвони маме с отцом в Томск. Они меня узнают.

– Позвонить? – хмыкнул Вадим. – И что я им скажу, если они сами первыми кидали комья земли на твой гроб? Ваша дочь, мол, ожила, откопалась, оладьи на кухне печет? Да их тут же хватит удар. Ты этого хочешь?!

Ольга закрыла лицо руками:

– Я не знаю, Вадик.

* * *

Уже сутки Ольга сидела взаперти в комнате, раньше принадлежавшей отцу Вадима. Муж приносил ей еду и выводил в туалет, как арестованную.

– Зачем ты запираешь дверь? – спросила Ольга. – Я никуда не сбегу. Это мой дом.

– Пока я не решу, как с тобой быть... – ответил Вадим. – Дети тебя боятся.

Дети... Ольга много бы отдала, чтобы обнять их! Но Вадим запретил им приближаться к двери комнаты.

Все договорились между собой никому не сообщать о внезапно появившейся матери. Да дети и так понимали это. Юля ждала возвращения мужа из командировки, и Ольга очень хотела, чтобы дочь поскорее уехала из дома: волнения могут сказаться на будущем ребенке. Маша целый день сидела

в своей комнате на втором этаже, и выяснить, как она там, Ольге не удалось.

Всю ночь Ольга проплакала, пытаясь хоть как-то объяснить себе, что произошло. Уснула лишь под утро, отчаянно загадав, что, когда откроет глаза, все вернется на свои места. Но утро не принесло никаких изменений.

Когда Вадим уехал в магазин за продуктами, в дверь к Ольге осторожно постучался Славик.

– Мамочка, тебе страшно было в гробике?

– Сыночек мой! – Ольга сорвалась со старенького дивана, мигом подлетела к двери, подергала: закрыто; опустилась на пол, прислонившись к косяку.

– Там же, наверное, холодно было? – Голос Славика звучал так близко, что, казалось, он сидит рядышком и сейчас прижмет к ней, обнимет.

– Да, милый, холодно...

– Ты плачешь, мамочка?

– Нет, мой хороший... – Голос предательски дрогнул, Ольга до крови закусила губу.

– Папа не разрешает с тобой говорить. Я без спросу...

– Маленький мой... Славочка! Мама любит тебя!

Ольга ловила губами соленые слезы, стараясь не выдать себя. Малыш не должен знать, что мама плачет.

– Мамочка... А как ты выбралась?

– Как выбралась?.. Даже не знаю... Я очень хотела вер-

нуться, очень!

– Мы тоже. – Славик зашуршал фантиком. – Я вот верил, что ты воскреснешь. Я тебе конфетки откладывал...

– Славочка! – задыхаясь, зашептала Ольга в дверную щель. – Я только тебе правду скажу, ладно? Я понарошку тогда умерла, не по-настоящему. Я жива, сынок.

– По-настоящему жива?

– По-настоящему! Верь мне, слышишь?! Мама не умерла, мама с тобой!

– Батюшка в церкви тоже так сказал, повторил много раз мне: «Мамочка с тобой».

Послышался стук шагов на крыльце, дверь хлопнула, и до Ольги долетел крик Вадима:

– Славик! Я тебе запретил выходить из своей комнаты! Маша! Почему ты за ним не смотришь?

Ольга прильнула к замочной скважине, увидела, как по лестнице спустилась – стекла – тихая, бледная Маша, схватила Славика за капюшон толстовки и поволокла на второй этаж, не произнеся не слова.

– Вадим! – Ольга заколотила кулаками в дверь. – Вадим! Умоляю! Дай мне обнять детей!

– Нет.

– Только один раз! Я ничего им не сделаю!

– Нет.

– Но почему, бога ради! Почему?! Ты же не можешь не признать, что я жива!

Вадим помолчал и, наклонившись к замочной скважине, сухо, отрывисто произнес:

– Тогда... При перестройке дома... Я не клал значок с лыжником под ступеньку.

* * *

Ольга сидела на полу, обхватив руками голову. Она уже не пыталась себе объяснить происходящее, стертые из жизни полгода, уверения семьи в ее смерти. Она лишь думала об этом злосчастном значке. Как же Вадим мог забыть о нем? Ее – ее! – Вадим.

Или это она обо всем забыла? И она ли их Ольга?..

Немудрено, что они боятся ее.

– Еще немного, и я сойду с ума! – вслух сказала Ольга, прислушиваясь, как звучит ее голос.

Надо как-то добраться до телефона, позвонить родителям. Мама, мамочка! Она должна признать свою дочку, сердце не солжет! Но мысль о том, что у мамы будет сердечный приступ, остудила желание. Что теперь делать, Ольга не знала.

Подойдя к комоду, она выдвинула ящик. Здесь покойный свекор хранил письма, которые вместе с пенсией приносила почтальонша Нина. Ольга сразу вспомнила эту Нину: куцее пальтишко, смешной пуховый берет, нахлобученный по самые брови, пухлые детские щеки над кусачим клетчатым

шарфов, завязанным до подбородка... В поселке ее называли блаженной. И только свекор, под конец жизни слегка поехавший умом, называл почтальоншу самой разумной из всех, кого знал, всегда радовался ее приходу и подолгу – насколько позволяло Нинино спрессованное рабочее время – болтал с ней в комнате о мелкой бытовой ерунде, о чем с семьей никогда не разговаривал. Нина слушала его молча, наклонив голову набок, как собака, гладила по голове и потом уходила, стараясь не смотреть никому в глаза. И только однажды, встретившись взглядом с Ольгой, быстро заморгала, как если бы собиралась заплакать, и промурлыкала под нос что-то несурзное – как Ольге показалось, детскую песенку.

Среди старых квитанций, бумаг и прочего хлама пестрела коробка из-под конфет.

Ольга открыла ее: там лежали просроченные лекарства покойного свекра. Почему их до сих пор не выбросили? Она посмотрела на пачки таблеток. Ничего серьезного, разве что снотворное. У свекра была хроническая бессонница.

Как было бы просто взять сейчас и выпить всю пачку! Потом заснуть и проснуться снова в том благословенном июне, на светлой солнечной кухне, со сковородой в руке!

Ольга взяла горсть в ладонь, глянула на стакан с остывшим чаем на столике.

Как просто...

Ольга убрала лекарства обратно в коробку и с силой задвинула ящик. Нет! Никогда!

В коридоре послышались шаги. Ольга бросилась к двери, прильнула к дверному замку. Вадим стоял с соседкой Алевтиной на пороге кухни, об их ноги терлась Матильда. О пожилой эксцентричной дамочке ходили слухи, что ведьмует, гадает на картах, и даже кому-то приворожила мужа. Но Ольга никогда слухам не верила: двадцать первый век на дворе, какое колдовство? То, что муж притащил старую ведьму в дом, в сложившейся ситуации Ольгу ничуть не удивило, но то, что Алевтина пришла на своих ногах, заставило задуматься: она ведь уже несколько лет была прикована к постели параличом.

Ольга выпрямилась и услышала, как Вадим ворочает замком в двери. Алевтина, нарумяненная, с подведенными тушью глазами, шагнула в комнату и захохотала.

Вадим, не глядя на Ольгу, отдал соседке ключ.

– Отъеду ненадолго. Скоро вернусь.

– Не волнуйся, мы вот поговорим пока. Да, моя хорошая?

Ольга не ответила. Алевтина закрыла дверь изнутри и положила ключ в карман цветастого платья. Потом прошла к столу, поставила на него хозяйственную сумку и тяжело опустилась в кресло.

– Ну, красавица моя? Что своим души-то рвешь?

– Ты, тетя Аля, я вижу, поправилась, встала?

– Поправилась. Встала. Правильным иконам надо молиться.

– Чудо?

– Чудо.

Ольга наблюдала, как Алевтинины пальцы беспокойно теребят ключ в кармане, как шевелится, обтягивая крючковые фаланги, цветастая материя.

– Может, и мне присоветуешь, кому помолиться? Для чуда.

– А и присоветую. – Алевтина достала из сумки какие-то предметы, похожие на игральные кости, куски белой материи, тряпичную куколку, свечку, чашку, банку, картонные листы. – Давай-ка сейчас ритуалец проведем.

– Подожди! – Ольга отшатнулась. – Какой ритуалец?!

– Так померла же ты. Но не упокоилась. Назад тебе, милая, надо. Домой.

– Здесь мой дом! Мои дети! Моя семья!

– Мое-мое! – передразнила Алевтина. – Было да сплыло. Забуди! Ты покойница.

Ольга вспомнила огромные глаза Славика и его тоненький голосок: «Мамочка, а как ты выбралась?».

– Тетя Аля, как ты тогда объяснишь, что я здесь, разговариваю с тобой?

– Ну разговариваешь, – повела черной бровью Алевтина. – Что такого? Я с духами всю жизнь разговариваю. Безо всяких спиритических сеансов.

– Ты-то да. Но они? Мои дети? Муж! Они тоже медиумы, хочешь сказать?

– Сядь. Успокойся. – Алевтина зажгла свечку, покапала воском на блюде, вдавила ее в лужицу и протянула Ольге банку с чем-то черным, похожим на золу.

– Что это? – дернулась Ольга.

– Четверговая соль. Давай, девочка, у меня мало времени. Левой ручкой сыпь на куколку.

Она сунула банку с черной солью в руку Ольги.

– Ты только объясни мне, тетя Аль, как это все случилось? Почему я ничего не помню? Как же такое вообще может быть? Умерла... Вскрытие было... А на теле ни царапины. Ты же знать должна, не молчи!

– А зачем все объяснять? Ничего объяснять не надо. Ты, Оля, вертайся назад, откуда пришла. Не ждут тебя здесь.

Алевтина принялась складывать из картона гробик. Лист не поддавался, она достала из кармана ключ и провела им по сгибам.

– Сыпь давай. Потом мы воском с поминальной свечечки покапаем... Жаль, ты в халатике, не в саване. Может, простыночка где в комнате есть?

– Простыночка?..

Ольга почувствовала, как к горлу подкатывает горячая волна. Она резко вскочила и со всего маху сыпанула солью из банки в лицо Алевтины. Та взвыла, прижала ладони к глазам, выронила ключ, и он, звякнув, упал на паркет. Звук от падения показался Ольге ударом церковного колокола. Она подхватила ключ и метнулась к двери.

Бежала долго, выдохлась, а сад будто и не кончался. Наконец-то калитка! Ольга глотнула воздуха и ухватилась за ручку. Холод железа сразу обжег руку. Ольга отдернула ее, оглянулась на дом. Ледяной ветер заполз за воротник тоненького халата, войлочные тапочки набухли от подтаявшего снега. Вернуться, взять куртку, надеть сапоги? Не свои – ее вещи, наверное, уже раздали, но хотя бы Вадима. Что сделает ей покрашенная старуха? Ольга сильнее и моложе лет на двадцать.

Но возвращаться не хотелось. С крыльца метнулся с задорным, таким *живым* лаем Таврик, подбежал к Ольге, виляя хвостом, ткнулся мордой в ладонь, начал слизывать пыль черной соли с пальцев.

Она толкнула калитку и быстрым шагом пошла прочь. Куда – совсем не представляла.

Пес, виляя хвостом, затрусил рядом.

* * *

Ольга не понимала, куда она бредет. Тело заоченело, иногда она останавливалась, садилась на корточки и обнимала Таврика, зарываясь лицом в густую шерсть. Но согреться не могла.

Именно в один из таких моментов ее, дрожащую, прижавшуюся к собаке, окликнули:

– Олюшка?

Ольга была уверена, что голос ей мерещится. Но горячая маленькая ладонь легла ей на плечо. Ольга подняла голову и увидела блаженную почтальоншу Нину.

Стопка перцовки и горячий чай с медом оживили Ольгу. «Оживили», – подумала она с усмешкой и спросила:

– Нина, а ты не боишься меня?

Нина положила на блюде кусок разогретой в микроволновке запеканки, пододвинула Ольге. Ее веснушчатые крохотные руки порхали над столом, как бежевые бражники над лампой, и было так уютно в ее скромной кухне с обоями в голубой ромбик, с петухами на занавесках, с пестрой куклой-бабой, сидящей на заварном чайнике, что Ольга едва сдержалась, чтобы не разреветься. И сама Нина, о которой она не знала почти ничего, такая маленькая, ростом Ольге по плечо, пухленькая, с наивным, почти детским лицом, казалась теперь самым родным человеком. Таврик мирно спал у входа на полосатом половике.

Прошла, наверное, вечность, прежде чем Нина ответила:

– А почему я должна тебя бояться?

– Я ж умерла, – сглотнула Ольга, посмотрела долгим тягучим взглядом на Нину и, не поняв ее реакции, продолжила, медленно выговаривая слова: – Поселок наш маленький, никакую новость не скрыть. Ты не могла не знать о моей смерти.

Нина отхлебнула чай из большой чашки.

– И что? Бояться теперь?

Взяв сухарик, она понюхала его, по-мышьиному шевеля кнопкой-носом, и с хрустом надкусила.

Ольга не знала, что сказать. Тоже взяла сухарь, повертела в пальцах, отложила.

– А они все боятся... Меня! Меня боятся!

– Ну... Ты поплачь, если хочешь. Оно легче будет.

Нина догрызла сухарик, потом резко отодвинула чашку с блюдцем, привстала и придвинула лицо вплотную к Ольгиному.

– Это они все умерли. Это тебе надо их бояться.

Нинины круглые водянисто-голубые глазки просверлили Ольгу насквозь.

Нина говорила.

Долго говорила.

Ольга сидела, ссутулившись, слушала почтальоншу и почти ничего не чувствовала...

...Ты не умерла, Олюшка. Дом твой сгорел. До тла, до чернушных головешек. Как определили потом, взорвалась ваша старая газовая колонка. Мигом все случилось, Олюшка. Старый дом полыхнул, как сухое поленце, соседи заметили, вызвали пожарных, две машины быстро приехали, но тушить уже было нечего. Тебя волной выбросило через открытое окно в сад, долбануло о березу вашу, черепно-мозговая, Олюшка. В поселке говорили, не выкарабкаешься. Но жива осталась, да. Не сгорела...

Ольга слушала, глядя в одну точку.

– Дети, Нина!

– Упокой их ангельские души, Господи.

– И Вадим?

– И Вадим.

Ольга закрыла лицо ладонями, да так и сидела.

– Погоди, Нин. А почему они меня хоронить хотят? Алевтину подослали с обрядом...

– Так не упокоились. Потому и ведут себя так. Тебя же только и видят из живых-то, а больше никого.

– А как же Алевтина?..

– А тебя не удивляет, что она, лежащая, ожила вдруг? Так слушай: померла Алевтина-то, в ту же минуту, что и твои, вот так с ними в одну петельку и завязалась. А то, что накрашена она – так покойницу намарафетили в гробу.

Нина встала, достала старую отцовскую куртку и сапоги, протянула Ольге:

– Пойдем, Олюшка.

– Куда?

– К дому твоему. Вернуть все надо на места. Освободить их.

Заскулил Таврик у двери, Нина нахмурилась, осторожно потрепала его и кивнула Ольге:

– С псом не понятно. Не нашли. То ли сгорел, то ли сбег. Ладно. На месте решится, чей он и откуда. Может, твой. А может, их.

* * *

Нина толкнула калитку.

– Ты, главное, не суетись. На вот, возьми коробок. Спичек в доме нет ни одной.

– Откуда знаешь?

Нина отвела взгляд:

– Знаю, Олюшка.

Ольга вязала спичечный коробок, положила в карман.

«Боишься – делай шаг вперед», – всегда говорил покойный свекор.

Ольга осторожно шагнула в свой сад. Голые яблоньки потянули к ней тонкие черные руки, погладили мокрыми пальцами по спине. Дорожка блестела подтаявшими лужами, начинало темнеть, и в доме – *ее родном доме* – горел мягкий желтый снег. За плохо задернутой занавеской мелькнули тени – *родные* тени. В этот момент Ольгу накрыло невыносимое желание забыть обо всем и остаться с ними. С семьей. Что для этого надо? Умереть? Да. Это просто. Будет взрыв. Она не покинет дом, а обнимет родных и сгорит вместе с ними. Она просто отстала от них, сейчас самое время догнать. И быть вместе. Навсегда.

Она неслышно поднялась по ступеням и потянула ручку двери. Заперто.

Под козырьком крыльца всегда был запасной ключ... Ольга встала на цыпочки и тут же нащупала его. Как хорошо, что традиции не меняются. Она вставила ключ в замочную скважину и повернула его два раза – так, как часто делала в далекой прошлой своей жизни. Дверь легко подалась, и Ольга ступила в темную, узкую прихожую, которую все в шутку называли «сенями».

Таврик тенью проскочил за Ольгой, она погладила его по лохматому вихру и приложила палец к губам: «Тс-с».

В кухне тоже было темно, но Ольга зажигать свет не стала: фонарь с улицы ясно очерчивал предметы. Пахло чем-

то домашним с примесью незнакомого, тревожного. Ольга пригнулась: олады! Чуть пригоревшие, но олады! Она на секунду прикрыла глаза. Родной дом! А вдруг все, что с ней происходит, все-таки галлюцинация, тяжелый морок? Вот же, вот любимая зеленая кухня – «наша полянка», как говорят дети. Дети! У Ольги заныло сердце.

Но сладковатый запах свечи отрезвил ее. Нет никаких детей. Страшно не будет. «Страшно» – то, что уже произошло, и ничто с этим страхом никогда не будет вровень.

Шаг. Еще шаг. Рука крутила в кармане спичечный коробок.

– Мамочка?

«Не поворачиваться!» – приказала себе Ольга и чиркнула спичкой.

Но тело не послушалось.

Из распахнутой двери на пол темной кухни упал прямоугольник желтого света, в нем обрисовался маленький силуэт.

– Мамочка, обними меня! – Славик встал на цыпочки и мелкими шагами пошел к ней.

Ольга замерла, парализованная ужасом. Славик приблизился к ней, протянул ручки.

Спичка обожгла пальцы, и в самый последний миг, перед тем как, скорчившись, погаснуть, в ее предсмертной вспышке Ольга заметила, что вместо лица у Славика черная дыра и в самом ее центре горит тоненькая свечечка, похожая на ту

самую, поминальную, которую приносила Алевтина.

– Мамочка, мне холодно! – Голосок Славика шел из глубины дыры, и при каждом звуке огонек на свечке колыхался.

В рыжем отсвете блеснули головастые поварешки-опята в банке. Ольга схватила одну из них и, сделав замах, выставила руку вперед. Славик засмеялся – тихо и бисерно, огонек на свечке снова заколыхался. Он пожал плечиками и снова на полшага приблизился к матери.

Поварешка выпала из рук, с глухим стуком ударившись о пол. Ольга дернулась, метнулась к стене, ударилась головой о холодное. Газовая колонка! Нащупав круглую ручку, Ольга резко повернула ее. Раздался хлопок и шипение. В тот же миг руки Славика коснулись Ольгиной спины, и она почувствовала, как его пальцы прорастают сквозь кожу. Ольга закричала, но сдвинуться с места не смогла. Объятыя Славика сдавили ребра раскаленным обручем.

Она судорожно чиркнула спичкой, поднесла к газовой горелке. Вспыхнуло синее пламя, заплясали тени на стене. Объятыя ребенка ослабли, Ольга вырвалась и побежала к двери. Но на пороге уже стояли Юлька и Маша, а позади них Вадим. И Алевтина в цветастом платье рядом. Вместо лиц у них тоже были черный дыры.

...И свечи в них...

Остаться с семьей... Господи! Да это уже не ее семья! Очнись, Ольга! Это морок! Бездна, темная и беспощадная. Ты хочешь остаться с ними?

Синхронно поднялись три пары рук и потянулись к Ольге.
– Не бойся, мама, мы просто обнимем тебя...

Она не поняла, кто из них троих произнес это: огоньки пламени дрожали и колыхались на всех свечках. У ног вертелась кошка, вместо мордочки у нее тоже была дыра...

Ольга взглянула на окно. Времени для размышлений не было. Она вскочила на подоконник, выбила ногой стекло и, как птица-подранок, полетела на присыпанную снегом землю – в тот самый миг, как громыхнул взрыв и полыхнуло в чреве дома.

Ольга поднялась, побежала к калитке. Но ноги не слушались. Она остановилась на полпути и оглянулась. За ее спиной уже бесновалось пламя, накрывая рыжими волнами все вокруг.

Она понимала, что смотрит на родной дом в последний раз. Но жалости не было. Лишь какая-то невероятная легкость и другое – совсем другое – дыхание.

И тут она заметила Таврика. Он выпрыгнул в окно, подбежал к ней, потом повернул назад. И снова к ней. Ольга молча смотрела на него, но не звала: он должен был выбрать сам. Его желтые глаза с отсветом пламени на черных зрачках напомнили ей лица-дыры со свечками – то, что память навсегда оставит ей как последнее воспоминание об ушедшей семье. Пес постоял секунду рядом с хозяйкой и метнулся к горящему дому. Миг – и он уже исчез в окне.

Ольга подняла голову к небу. Последнее, что она увидела,

была их огромная старая береза, стремительно несущаяся ей в лицо.

Ольга закрыла глаза.

* * *

Ольга открыла глаза.

Медузий свет многоглазой лампы залил мозг. Нестерпимо хотелось пить. Назойливый писк откуда-то сбоку заставил ее повернуть голову: квадрат монитора, зеленая диаграмма на черном экране, трубки...

– Очнулась, – расплылась в улыбке реанимационная сестра и крикнула доктора.

– Я жива? – прошептала Ольга, но ответ ей был уже не нужен.

«Я жива». Такси остановилось возле знакомой калитки. Ольга расплатилась и вышла из машины.

Шла медленно, перебинтованной рукой опираясь на палку. Толкнула калитку, хотя смысла в этом не было: забор лежал на земле. Подойдя к выжженному скелету дома, Ольга постояла, посмотрела на черные сиротливые столбы веранды. Чувств не было. Все обожжено. И тело, и душа.

Ольга крепче сжала палку и уже хотела уйти, но вдруг повернулась к остаткам ввалившихся ступенек, придавленных обгорелой упавшей березой, наклонилась и подняла ниж-

ною обугленную доску.

Маленький значок с лыжником, не съеденный беспощадным огнем, блеснул на солнце. Ольга взяла его в ладонь. И почувствовала, что жива по-настоящему.

Артем Сидоров Птицы, которые не прилетают

15 марта, 2517 г.

Запись первая.

Поверить не могу, что взаправду занялся этой бредятиной! Серьезно, какого черта я должен вести дневник? Почему не Макс, или Эрни, или тот дерганый придурок из сектора гидропоники? Ставлю банку шоколадного концентрата, он на чем-то торчит! Вырастил себе какую-то инопланетную дурь и смолит ее на пару с...

Ай, да пошли они все.

Меня зовут Александр Харпус, мне пятьдесят семь лет. Вот уже год, как я работаю на станции сверхдальнего расположения «Катунда». Мы находимся... признаться, я давно перестал следить. Я врач, а не штурман, в конце концов! Где-то на орбите Гаргантюа.

Неделю назад Анжелика всучила мне это приложение и велела каждый день записывать свои мысли. Почему психолог имеет право отдавать мне приказы? Какое отношение она вообще имеет к медицине?!

Она считает, что у меня... Черт, да я даже не запомнил, как это называется. Тревожно-что-то там с параноидальным компонентом, а еще какая-то чушь с ворчливыми наклонно-

стями.

Ворчливыми, мать его, наклонностями.

Когда я подписывал контракт в Центре Распределения, я допускал, что нам впарят рухлядь вместо аппаратуры. Что пожадничают на снабжении, что излучение Гаргантюа разьесть щиты и мы все умрем от рака, или нас атакуют враждебные организмы, как это было год назад с теми парнями на Каэрре.

Вот только вместо этого я лечу посреди космоса в битком набитой идиотами консервной банке. Не экипаж, а цирк уродов! Гамальен из инженерного по ночам орет, ко мне аж через три этажа долетает. Сандра из логистики разве что с робоповаром не потрахалась – хотя наверняка пыталась. Николай из охраны... Я даже не уверен, что он живой. Помому, кто-то просто перетаскивает воняющее перегаром тело из угла в угол.

И остальной зоопарк – сто восемь человек на одну «Катунду». Научники каждую неделю изобретают очередную «гениальную» гипотезу об огненных штормах Гаргантюа. Безопасники с третьей попытки выговаривают название планеты, а техники и вовсе считают, что Гаргантюа пышет огнем, когда не в настроении.

Конечно, за годы изоляции и не в такое поверишь. Но порой мне кажется, что Центр выкидывает сюда самых-пресамых отбитых сотрудников, чтобы работать не мешали.

И Анжелика считает, что это у меня проблемы с голо-

вой! Пха! Предложил ей пожить в моей каморке, послушать вопли снизу – не хочет ведь. Да она сама такая же.

Ладно.

По крайней мере, я могу просто надиктовывать эти записи планшету, программа неплохо распознает речь. Терпеть не могу печатать. Почему кто-то до сих пор печатает в 2517 году?..

Поковыряться бы в коде, отрубить этический фильтр. Выходило бы вдвое короче и в десять раз доходчивее.

В общем, служу здесь врачом. Мультидоктор, вот как это сейчас называется. А на самом деле все проще – для полноценного медблока на станции нет места. Поэтому вместо хирургии, терапии и ксенозала на «Катунде» есть я, операционная с робоассистентом, несколько палат, холодильная камера и Лара.

Лара – это медсестра. Она ничего.

* * *

18 марта.

Запись вторая.

Анжелика разворчалась, что я ничего не записываю. Надеялся, что она забыла, но куда там. Похоже, бредни седеющего доктора ей интереснее, чем ботаник-торчок, попытавшийся сегодня выпрыгнуть в иллюминатор. И куда капитан смотрит?..

Навалилось работы, вчера притащили Хяо Кальвадеса из инженерного. У них там что-то закоротило, и парнишка получил такой разряд, что даже комбез не выдержал. Кое-как удалось его стабилизировать, но из комы пока не вышел. Хорошо, что ребята быстро заметили тело.

Подключил Кальвадеса к мониторам, наблюдаю. Надеюсь, мозг не пострадал, – на «Катунде» и так дураков хватает. Ожоги у него, конечно, – мое почтение, но ничего, мы залили их регенерином, через пару дней будет как новенький.

Техники у нас грубоватые, но вроде толковые. Мы куда-то летим, куски обшивки не отваливаются – выходит, знают свое дело, хоть и пьют без продыху. Ну... правда ведь? Это же как-то так работает?

Ничего, через полгода у них закончится алкогольный концентрат. Еще не смекнули, что надо растягивать. Эх, молодежь! Это новая смена, мы вместе прилетели. Разве что дремучие они какие-то. Говорят, некоторые даже не знают, почему мы вертимся вокруг рыжей планеты. Зато как проводку подлатать – милости просим.

Впрочем, особо думать им и не надо. На то офицеры есть. Все сложные настройки на них.

Лара всю ночь пробегала вокруг узкоглазого. То простынь подоткнет, то кардиограмму высчитывает, то лоб ему обтирать возьмется. И чего она? Когда Саиду лазером спалило руку, он неделю ныл, как тяжело таскать регенбанку на культе. Так ведь Лара пальцем не пошевелила помочь мужику.

Одной рукой не больно-то разденешься для осмотра... А уж Кальвадес стабилен, как пульс покойника. И не жалуется. Чего ей не сидится?..

Предчувствие, говорит. Пф...

Женщины странные.

В медблоке не продохнуть от техников – за сегодня дважды приходили всей бригадой, проверяли, как там азиат. Принесли мандариновый концентрат. Так и не смог объяснить, что Кальвадес питается через зонд и я не могу просто взять и залить туда оранжевую жижу. Не поверили.

Так что сегодня у меня мандариновый ужин. Вкуснотища.

* * *

20 марта.

Запись третья.

Господи, наконец здесь стало потише.

Я запер гермодверь, но работяги уже битый час колотят снаружи, как орава горилл. Перевел все на ручное управление, чтобы не смогли открыть удаленно. Наверняка у них есть доступ к системе блокировки.

Ларе выдал две капсулы снотворного и отправил отдыхать. Под эти вопли так просто не уснешь, а до жилого сектора ей пока не добраться. Хорошо, что девчонка не против спать через стенку от операционной с мертвецом. Попозже перетащим его в холодильник.

Ах да, собственно, об этом. Кальвадес умер вчера после ужина. Показатели резко ухудшились, началась аритмия, затем фибрилляция, я попытался его стабилизировать, но толком ничего не вышло. Видимо, разряд все-таки повредил синусовый узел в предсердии... У него не было шансов с моей аппаратурой. Здесь нужен целый кардиоблок.

Прискорбно. За год моей службы на «Катунде» это первый погибший. И хотя станция существует больше сотни лет, смертность здесь невелика. Какая-никакая связь с Центром у нас все же есть, и пусть до них год полета, но разве это проблема для старика в криокапсуле? Пенсионеров отправляют домой – от них все равно не много толку.

Хорошо, что мой контракт всего на десять лет. Не хотел бы состариться в этой дыре.

Так вот, смерть Кальвадеса – это полбеды. Когда реанимация не увенчалась успехом, я сообщил капитану, а он за каким-то чертом объявил по громкой связи. В мой блок сразу набежала толпа, даже Николай приковылял. Я пытался вытолкать их, но куда там! Да и капитан велел допустить экипаж к телу. У меня что тут, зал прощания?

В общем, пришлось отпереть операционную. Пока ругался с ними, минут десять прошло. Я ничего не делал, кроме стандартных протоколов, никаких других инъекций или чего-то подобного... Да я даже не заходил туда после констатации!

Но когда мы подошли к трупу, Кальвадес улыбался нам

во все свои девятнадцать зубов! Нет, он не ожил, конечно, – уже трупными пятнами пошел. Как будто какой-то шутник растянул его губы в довольном оскале да прицепил скотчем. Вот только никакого скотча не было! Он просто улыбался. Словно услышал перед смертью хорошую шутку.

Дьявол, я понятия не имею, что это такое! Не говоря уж о том, чего мне стоило убедить в этом капитана! Кальвадес не приходил в себя! После реанимации я снимал с него дыхательную маску, улыбки не было!

До сих пор лежит там и скалится – только что проверил. Мышцы лица так и окоченели. Кривая какая-то улыбка. Уродливая даже... Мурашки по коже.

А уж когда народ его увидел... такой шум поднялся! Ругань, слезы, истерики! Какой-то амбал собрался начистить мне морду – к счастью, обошлось. В конце концов капитан согласился списать все на агонию и разогнал народ. Но это никакая не агония, это... черт знает.

Все разбрелись по секторам, ночью тело кремируют и сбросят пепел в атмосферу Гаргантюа. В ближайшие годы шаттлов в Центр не планируется, хранить его никто не будет. Все честно, так прописано в наших договорах.

Если, конечно, неуравновешенные бабуины из инженерного позволят нам вынести труп. Они устроили настоящую свалку возле двери. Решили, что я – лжец, что Кальвадес приходил в себя, но я «вколосил ему какую-то дрянь» и прикончил парня.

Заняться мне, что ли, нечем?!

Я его и не знал толком. Никогда особо не общался с техниками, они же сплошь запойные работяги в дырявых комбезах. Им бы лес рубить на колонизаторских базах, а не «Катунду» ремонтировать. Мат через слово, я даже не понимаю, что эти придурки орут за гермодверью. Если прислушаться...

«Доктор Харпус – людоед»?! Что за...

Ох. К черту их. Побуянят и разойдутся. Когда все уляжется, потребую от капитана повышения довольствия. Я не указывал стрессоустойчивость в своем резюме.

* * *

22 марта.

Запись четвертая.

Только что капитан сбросил пепел Кальвадеса в атмосферу. Я не пошел на смотровую площадку, наблюдал с монитора. Не горю желанием встречаться с обезьянами из инженерного.

Они, конечно, извинились, а потом и вовсе переключились на руководство. Мол, азиат на Земле верил в какую-то чушь, согласно которой после смерти его нельзя сжигать.

Сбросить тело одним куском? Да пожалуйста. Топливо сэкономим.

Но нет. По правилам следует поместить покойника на высокий утес, чтобы птицы склевали его тело, и тогда он смо-

жет переродиться. Иначе, мол, душа останется блуждать среди живых.

Проклятые идиоты. Откуда птицы на орбите Гаргантюа?! Даже на самой планете их не водится. Там вообще нет живых существ, только фونهاщая лава, горы и ураганы размером с Гренландию. Если что-то в этом месте ухитрилось отрастить себе крылья и размахивает ими, я не хотел бы встречаться с этой тварью даже после смерти.

И вообще, у нас есть правила, черт побери. Капитан в конце концов разогнал дураков, да и безопасники немного помогли. И поделом, давно пора было напомнить им, кто тут главный! Как с ума посходили – высокооплачиваемые специалисты, а ведут себя как троглодиты с планеты Дзык. Залезу-ка я на досуге в их личные дела, откуда они вообще у нас такие? Эх, где те времена, когда в космос брали только с высшим образованием...

Вот уж теперь у Анжелики привалит работы! Опять приставала ко мне с этим дневником. Оказывается, я недостаточно рефлексирую, мало сплю и плохо питаюсь. Она все проверила по датчикам в моей спальне. А еще мне нужно перестать ругаться с Ларой и начать ходить в тренажерный зал два раза в неделю. Живот якобы не красит мужчину.

И у кого из нас ворчливые наклонности?

13 апреля.

Запись... пятая? Не помню.

В свете последних событий решил вернуться к дневнику. Пожалуй, мне стоит фиксировать происходящее, если Центр будет проводить расследование. Намечается какое-то дерьмо.

Не прошло и месяца после случая с Кальвадесом, как у нас новый труп. Теперь Сандра. Эрни, из безопасников, ее очередной хахаль, забил девушку табуреткой. Накурился кислотной дряни в секторе гидропоники, приревновал к какому-то хмырю, забежал в жилой отсек и превратил череп девчонки в кашу. Господи, я такого с университета не видел. Все, что выше носа, – настоящее месиво.

В его крови нашли пять различных наркотиков. Пять! Я же отправлял рапорт на ботаников, почему капитан... Он что, решил, что они просто смолят косячки под синтетическую музыку?! Нет, я все понимаю, мы все далеко от дома, но рано или поздно этим бы все и закончилось.

Теперь весь экипаж загнали ко мне на анализы. Ботаники тут же набились в тренажерку, чтобы как следует пропотеть, пока ждут своей очереди. Кажется, у некоторых даже получилось.

И все еще треть нашего экипажа – наркоманы. С ума сой-

ти. Не представляю, что капитан будет с этим делать. И с Эр-ни, который уже сутки сидит в изоляторе. Неужели выделит ему капсулу в Центр?!

А еще... Говорят, беда не приходит одна. Теперь я в это верю.

На крики Сандры сбежался весь жилой сектор. Если бы не запертая дверь, она могла бы остаться в живых. Когда комнату вскрыли, кровь еще текла по ковру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.